

**ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН**

КРИК ПЕТУХА

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

Крик петуха

«Автор»

1989

Крапивин В. П.

Крик петуха / В. П. Крапивин — «Автор», 1989 — (Великий Кристалл)

ISBN 5-227-01801-4

Фантастическая повесть из цикла «В глубине Великого Кристалла», герои которого попадают в новые приключения. Научно-исследовательская группа «Кристалл-2», в которой работает отец Витьки Мохова, бьется над проблемой перехода из одного пространства Вселенной в соседнее. Случайно Витьке, обладающему необычными способностями, удастся открыть тайну перехода. Он проникает в параллельные миры и находит там друзей, с которыми преодолевает множество опасностей, развивает свои способности и учится использовать их для борьбы со злом и помощи другим. В самых сложных ситуациях на выручку ребятам приходит петух Кригер. Только благодаря бесстрашной птице Витьке удастся спасти от гибели своего отца...

ISBN 5-227-01801-4

© Крапивин В. П., 1989

© Автор, 1989

Содержание

Часть первая.	5
Кригер	5
1	5
2	8
3	12
Детские песенки	17
1	17
2	21
3	24
Храм без купола	28
1	28
2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владислав Крапивин

Крик петуха

Часть первая.

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ ВИТЬКИ МОХОВА

Кригер

1

Первый раз Витька появился в обсерватории «Сфера», когда окончил четвертый класс. Два дня бродил он всюду, раскрыв рот и распахнув глаза. Удивлялся башням, куполам и локаторам, гигантской решетчатой чаше РМП – радара межпространственных полей. А еще больше – скалам и дикому шиповнику, густоте окрестного леса, чистоте высокого неба и прозрачности ближнего озера.

На третий день он изложил свое мировосприятие в стихах, которые немедленно были напечатаны в обсерваторской газете «Пятый угол».

Я от счастья чуть не плачу:
Вот приехал я на дачу.
Здравствуй, мой любимый дед,
Здравствуй, мой велосипед!

Буду я на нем кататься,
Буду в озере купаться,
Буду плавать и нырять,
Кверху пузом загорать.

Мне на пузо сядет мошка
И поест меня немножко,
А насытив аппетит,
Снова в небо улетит.

Я обед ей не нарушу,
Мошка тоже хочет кушать.
Я к букашкам всей душой:
Мошки – крошки, я – большой.

Во саду и в огороде
Равновесие в природе.
Ходят куры у куста,
Вот какая красота!

Стихи обрели шумную популярность. Их цитировали по всякому поводу. Толстая лаборантка Вероника Куггель положила их на музыку и пела под гитару. Лишь директор обсерватории Аркадий Ильич Даренский не разделял общего энтузиазма. Во-первых, он вообще смотрел на все явления со здоровой долей скепсиса. Во-вторых, Аркадий Ильич (в силу этой же привычки) углядел в словах «буду я на нем кататься» некоторую двусмысленность. Так ли прост этот внешне симпатичный, но почти незнакомый (и к тому же похожий на отца) десятилетний отпрыск Михаила Мохова?

Кроме того, профессор Даренский придерживался вполне логичного мнения, что специальное научное учреждение закрытого (насколько это возможно в нынешние времена!) профиля отнюдь не должно служить местом дачного отдыха для кого бы то ни было. Пусть это даже родной внук директора обсерватории.

Но, с другой стороны, делать было нечего. Витькина мать активно занималась решением личных проблем. Витькин отец, который числился сотрудником «Сферы», был официально объявлен пребывающим в далекой и длительной командировке, а на самом деле находился неизвестно где. То есть не совсем неизвестно, но... Впрочем, это особый и отдельный разговор... Так или иначе, а кроме «любимого деда», приютить Витьку на каникулы оказалось некому. Это и заявила Аркадию Ильичу дочь Кларисса:

– Можешь ты хоть раз в жизни позаботиться о единственном внуке?

Аркадий Ильич пытался возражать. Единственному внуку, мол, самое место в летнем лагере, а не в обсерватории среди взрослых и занятых важными делами мужиков и теток... Выяснилось, однако, что внук «малость чокнутый» (видимо, в папочку). В лагерной толпе жизнерадостных и дружных сверстников он сохнет, бледнеет, а по ночам (если верить бдительным воспитательницам) часто не спит, сидит на подоконнике и смотрит «куда-то в небесные пространства». Так было в прошлом году.

– А в этом он вообще уперся, как упрямая коза: «Не поеду, там скучища!»

В довершение слов Кларисса начала всхлипывать. Профессор Даренский, в работе своей человек твердый и решительный, в семейных коллизиях таких свойств не проявлял. Ну и вот...

Витька оказался вовсе не похожим на замкнутое, одинокое дитя. В обсерватории он со всеми зажил душа в душу. А лучшим его другом сделался младший научный сотрудник Михаил Скицын, по поводу чего дед буркнул: «Рыбак рыбака...»

Замечание деда было не совсем понятным. На Витьку Скицын вовсе не походил. Черный, как головешка, какой-то немного кривобокий, с крупным носом и ехидными, сидящими на разном уровне глазами, он был известен как скандалист и автор сумасбродных идей. Временами оказывалось, что идеи не столь уж сумасбродны, а потому и скандалы объяснимы, но слава оставалась.

В отличие от других Скицын с Витькой не церемонился. То и дело подначивал и критиковал. Так было и со стихами. Скицын заявил, что выражения «обед ей не нарушу» и «насытив аппетит» неграмотные, а в последнем четверостишии – излишняя умиленность. Это было уже просто бессовестно! Ведь кто-кто, а уж Мишенька-то лучше всех должен был ощутить ироничность Витькиных виршей.

– Все понимаешь, а цепляешься!

– Ну ладно... – смягчился Скицын. – А врать все равно не стоило. Какие здесь куры? Один петух...

Витька сказал, что сочинял стихи, а не перепись птичьего двора, и куры – это... как его... поэтический образ.

Скицын сморщился, нос его больше обычного отъехал в сторону.

– «Образ»... Такого красавца поменял на каких-то дохлых абстрактных куриц... Такого рыцаря и героя!

Витька глянул подозрительно: нет ли здесь намека? Не видел ли случайно Скицын, каким скандальным было знакомство с пернатым «героем и рыцарем»?

Петуха звали Кригер.

Безусловно, этот горластый красавец был одной из важных достопримечательностей «Сферы». Приезжавшие сюда иностранцы просили показать «господина Кригера» наряду с новейшим четырехмерным телескопом – преобразователем пространства, построенным группой «Кристалл-2».

Не было в обсерватории человека, который относился бы к «господину Кригеру» безразлично. Поклонники петуха восхищались его внешностью. Перья Кригера отливали всеми оттенками меди, латуни и даже червонного золота. Хвост напоминал оранжево-алый плюмаж рыцарского шлема. Крылья были оторочены бархатисто-траурной каймой, а тяжелая двойная борода и свисавший на сторону гребень словно состояли из прозрачных икринок, налитых гранатовым соком.

Но, по мнению многих, роскошное оперение Кригера не искупало его коварного нрава. Этот разбойник имел привычку подкрадываться издали, потом налетать с боевым воплем и клевать ноги, а то и спину. Случалось, что он получал отпор, но и тогда не покидал поле боя, а разбегался и повторял атаку. Однако даже самые лютые недруги Кригера отдавали должное одному его несомненному качеству – пунктуальности. С точностью до десятых долей секунды это уникальное существо оповещало всех о наступлении астрономического полдня и полночи и так же строго отмечало четырехчасовые отрезки суток.

Без сомнения, Кригер считал «Сферу» своим родовым поместьем. Он появился на свет здесь – вылупился из купленного на рынке яйца в самодельном инкубаторе под коробкой терморегулятора базового гироскопа. Выдумка с инкубатором, естественно, принадлежала Скицыну. И конечно же, Михаил объяснял астрономическую точность Кригера тем, что он родился на осевой линии Кристалла. «А вредность у него от «крестного папы», – не упускал случая добавить Аркадий Ильич Даренский.

В первые дни судьба не сталкивала Витьку и Кригера. Витька слышал петушинные вопли, видел издали этого медью сверкающего крикуна, однако особо им не интересовался. Кригер Витькой – тоже. Но на четвертый день (уже после стихов в газете) Витька лежал животом на каменном ограждении садового бассейна, беспокоил щепкой ленивых декоративных карасиков и вдруг услышал сзади шумный шелест и топанье. Не успел он оглянуться, как в ногу пониже коленного сгиба воткнулось копьё. Или стрела. Витька взвизгнул, кувыркнулся в бассейн, обалдело вскочил по пояс в воде. Кригер – перья и гребень торчком – бил крыльями по ракушечному барьеру. Глядел непримиримо и прицельно.

– Чё надо?! – постыдно завопил Витька и в бегстве взбаламутил пятиметровый водоем от края до края.

Господин Кригер преодолел то же расстояние на крыльях. Дальше он гнал перепуганного пацаненка по плиточной дорожке между двух заросших подпорных стен, и дорожка эта привела в предательский тупик. Витька ладонями с размаху уперся в железные ворота гаража, обернулся... Кригер не спешил. Топтался в пяти шагах, подметая крыльями пыль. Готовился. Примерялся... Витька беспомощно съежился и, глядя в петушиный оранжевый глаз, жалобно прошептал:

– Не смей, скотина... Нельзя. Не подходи. Между нами это... стенка. Понял? Стен-ка...

– Ко-о... – презрительно сказал Кригер, шумно разбежался...

С отчаянного перепуга Витька мысленно грянул перед собой с неба стену из бронированного стекла. И... рыжий бандит шмякнулся о невидимое! Ошеломленно сел на хвост, по-человечьи раскинув растопыренные лапы. Икнул.

«Получилось!» Витька и возликовал, и даже испугался. До сих пор его опыты с гипнозом и внушением терпели провал.

Кригер встал. Пошатался. Шагнул прочь. Оглянулся. Подумал, наверно: не попробовать ли еще?

– Иди, иди, – сказал Витька. И вообразил сидящую рядом, у ноги, лису – большую, зубастую, с густой апельсиновой шерстью. Так вообразил, что лисья шерсть будто по правде зашекотала ему ногу. А Кригер, позабыв о гордости, с воплем ударился в бега.

Витька отдышался, огляделся. Не видел ли кто его недавнего малодушья? Кажется, нет... А то ведь не спасся бы он от ехидно-ласковых расспросов и подначек, несмотря на свою поэтическую славу.

Он вытряс из-под рубашки трепещущего карасика, отнес его в бассейн. Потом занялся «раной»: вывернув ногу и шею, глянул себе под коленку. Была крупная кровавая точка, была припухшая синева вокруг. Все это рядом с большой, похожей на арбузное семечко родинкой. Может, Кригер и метил в родинку? Принял за жучка или зернышко? «Красивый, а дурень», – подумал Витька уже добродушно, он был человек не злопамятный. У себя в комнате он смазал след от клюва бактерицидкой. Тот быстро подсох, но потом иногда еще побаливал. А на ноге осталось темное пятнышко – будто вторая родинка...

С той поры, встречая Кригера, Витька моментально вспоминал зубастую лису. И мысленно пристраивал ее рядом – как собаку на поводке. Кригер торопливо удалялся. Правда, в этой поспешности уже не было заметной паники. Кригер делал вид, что ему срочно нужно куда-то по важному делу, а мальчишку с лисой он вроде бы и не видит.

Потом лиса сделалась не нужна. Кригер привык обходить Витьку стороной. А если они и оказывались рядом, то смотрели друг на друга без интереса. Словно был между ними молчаливый уговор: сохранять нейтралитет. Скицын, который обожал Кригера, говорил с ноткой разочарования:

– Смотри-ка, не лезет. Чует, чей внук...

Дело в том, что такой же нейтралитет сохранялся между петухом и директором «Сферы». Кригер, видимо, нутром чуял начальство. А профессор Даренский хотя и не любил «рыжего пирата», но терпел.

2

Продолжая рассказ о Кригере, следует отметить еще одно его свойство. Крайнее любопытство. Особенно любил он шумные споры. Когда в круглой комнате дискуссионного центра группа «Кристалл-2» наваливалась (во главе со Скицыным) на своих оппонентов, Кригер устраивался в проеме открытого окна и слушал, склонив гранатовый гребень. Услышав особо удачный аргумент или крайне запальчивую фразу, Кригер возбужденно переступал шпористыми лапами и довольно говорил: «Ко-о...»

Любил Кригер и перепалки между директором «Сферы» и его другом профессором д'Эспозито, который месяцами жил в обсерватории – прикипел к проблемам Кристалла. Особых разногласий в объяснении принципов Перехода и теории совмещенных пространств у Аркадия Ильича и Карло д'Эспозито не наблюдалось. Но пылкий старый итальянец был воспитанником иезуитского колледжа, ревностным католиком и все сложности мироздания объяснял изначальной мудростью Творца. Это приводило ярого материалиста Даренского то в горячее негодование, то в состояние холодного ехидства.

Трудно понять, что привлекало Кригера в спорах двух научных светил. Витька, по крайней мере, в них ничего не понимал. И все-таки иногда они (Витька в кресле, в углу дедова кабинета, Кригер на перилах балкона) слушали, как Аркадий Ильич и д'Эспозито у редакторского компьютера препираются по поводу совместной статьи для «Академического вестника».

– Послушай, Карло, а если записать так: «Явление столетней давности, известное под названием „Черемховский эффект“ и давшее в наши дни резонанс, адекватный современному фактору типа „эхо“, свидетельствует, что...»

– А нельзя более по-русски, если уж писать на этом языке?

– Я не Лев Толстой!

– Это да...

– ...Не Лев Толстой! И кроме того, ученые мужи в Центре иную терминологию все равно не приемлют! Главное – суть! А она в том, что «возникновение резонанса между так называемыми субъективными болевыми точками индивидуума и гипотетическим всеобщим психогенным полем ведет к практически мгновенному изменению пространственно-временной структуры в данном витке Кристалла...».

– «Витке Кристалла!» О Господи... звучит-то до чего дико!

– Не более дико, любезный Карло, чем «о Господи» в устах одного из основателей новой теории пространственно-временных структур...

– Которые, кстати, никоим образом не отрицают участия Творца в их создании и развитии...

– Так и записать? – язвительно спрашивал Аркадий Ильич.

– Это незачем записывать! Это ясно любому разумному человеку!.. А неясно вот что: при чем вообще виток и перестройка структур в «Черемховском эффекте», если там имело место лишь линейное перемещение в одном пространстве?

– А «эхо», возникшее в иных гранях почти через век!

– И тем не менее там действовал принцип тривиального линейного вектора, с Мёбиус-вектором не имеющий ничего общего...

– Карло, я тысячу раз просил! Не смей при мне упоминать о Мёбиус-векторе, этой дикой выдумке авантюриста Мохова. Он еще больший мракобес, чем ты, и... Виктор! А ты что здесь торчишь? Неужели, кроме моего кабинета, нет места, чтобы бездельничать?

– Здесь кресло удобное, – безмятежно отвечал Витька, делая вид, что не слышал упоминания об отце.

– Ступай отсюда...

– Дядя Карло, а вы меня тоже прогоняете, да?

– Не ходи никуда, Витторио! Сиди здесь... Слушай, как твой дед льет мыльную воду с пузырями на своего старого друга! Сейчас он будет бить меня по лысине футляром от меридианного дубль-гироскопа Кларенса...

– Ко-о... – с удовольствием говорил на балконе Кригер.

– Очень нужна мне твоя глупая лысина, – ворчал Аркадий Ильич. – Виктор, марш гулять!

– Щас... – Витька поудобнее усаживался в кресле. Морщась, трогал под коленкой след петушиного клюва. Слегка болело. Но на Кригера он не злился. Сейчас они были вроде как союзники.

Дед отворачивался от Витьки к дисплею.

– За что мне это наказание?.. Кларисса, конечно, поступила мудро, она всегда была практичная девица. А я – плати по векселям...

– Ну, а... – вполголоса говорил д'Эспозито и замолкал.

– Увы... – так же тихо откликнулся дед.

– Никакой информации?

– Никакой. Даже у Скицына.

– А при чем Скицын? Ведь с ним-то он как раз воевал больше, чем со всеми.

– Ну, знаешь ли... Милые бранятся – только тешатся...

– Гм... А чем он там все-таки занят?

– Ты меня спрашиваешь? Может, он шлет научные отчеты?.. Скорее всего, он ничем не занят. Полагает, что сам факт его перехода есть подтверждение всех его дилетантских теорий...

– «Дилетантских»... Помилуй, Аркадио! Ты же сам понимаешь, что...

– Ничего я не хочу понимать! Авантюризм и наука несовместимы!

Витька равнодушно плевал себе на ногу и растирал по ней следы машинной смазки – она осталась после ремонта старенького, расхлябанного велосипеда «Кондорито», найденного для директорского внука среди обсерваторского утиля. Взрослые, видимо, думали, что он их разговора не понимает, не догадывается, что речь идет об отце.

О том, что случилось с отцом год назад, все говорили уклончиво. Даже Скицын. И все-таки кое-что Витька знал. Михаил Алексеевич Мохов был одним из сотрудников группы «Кристалл-2», резко ушел в исследования в сторону от главной темы и настаивал на практической проверке своих выводов. Ввел понятия пятимерной системы межпространственных координат и Мёбиус-вектора. Все это достаточно ошарашивало всех, кроме младшего научного сотрудника Скицына. Однако и он в чем-то поддерживал Мохова, а в чем-то с ним яростно не соглашался. До крика и хрипоты. Дело осложнялось тем, что у Мохова не было диплома физика. Он окончил биологический и философский факультеты. В теорию межпространственных полей он пришел, можно сказать, самоучкой. Это и дало повод директору «Сферы» обозвать своего зятя в пылу очередного спора дилетантом. После чего Михаил Мохов исчез, оставив письмо. Что в письме – никто, кроме Аркадия Ильича, не знал. Теперь было известно, что научный сотрудник Мохов поселился на окраине Реттерберга и занимается незапланированными экспериментами на свой страх и риск.

Все это было бы еще ничего, если бы не маленькая деталь: ни в одном из самых укромных уголков «Генерального Атласа Земли» город Реттерберг не значился.

Однако об этом факте говорить в обсерватории было не принято. Витька хорошо чувал, что можно, а что нельзя, и лишних вопросов не задавал. Но кажется, он удивился меньше других, когда неожиданно-негаданно отец объявился в «Сфере».

Впрочем, открытого удивления не выказал никто. Но все говорили вполголоса и, кажется, ощущали неловкость и виноватость – как в семье, куда вдруг вернулся из далеких нерадостных мест полузабытый и не очень любимый родственник.

Тем не менее сам Михаил Алексеевич смущения не показывал. Суховато раскланивался со встречаемыми. К директору не пошел. Расспросил, где найти сына, и заперся с Витькой в его комнате.

О чем говорили отец с сыном, Витька никому не рассказывал. После беседы старший Мохов исчез – будто растворился. А Витька до вечера ходил один. Пинал на дорожках сосновые шишки, меланхолично и неумело насвистывал. Из деликатности его ни о чем не спрашивали, хотя дед злился, а Скицын млел от любопытства. Вечером Витька попросился у Скицына к вспомогательному компьютеру четырехмерного преобразователя и до полуночи сидел у стереоэкрана. Там же и уснул – на жесткой пластмассовой кушетке. Скицын, вздыхая, сунул ему под голову свой свитер и накрыл Мохова-младшего снятой с окна портьерой.

Экран остался невыключенным. В глубине его висела странная конфигурация из цветных спиралей и пентаграмм. Конфигурацию косо пересекала голубая линия со знаком Генерального меридиана. Скицын присвистнул и с минуту молча стоял над спящим сыном Михаила Алексеевича.

Через два дня Витька Мохов исчез. Утром он укатил на своем «Кондорито» в сторону озера. К обеду не вернулся. К вечеру тоже. Разумеется, дед переполошился. Да и остальные...

Утешало одно – потонуть Мохов-младший не мог. Раз и навсегда Витька обещал деду и Скицыну не купаться в одиночку, а он был человеком слова. Вариант, что директорский внук свернул шею на горных тропинках, по которым любил носиться на дребезжащем велосипеде,

тоже отпал: брошенный «Кондорито» нашли в кустах за водокачкой... Заплутал в окрестном лесу? Но не такой уж этот лес безлюдный...

Витька объявился в сумерки, когда Аркадий Ильич пребывал в состоянии тихой паники и собирался вызывать из Центра патрульные и спасательные вертолеты.

– Что за шум? – сказал Витька пренебрежительно, когда к нему подскочили с расспросами и упреками. – Ну, загулял маленько, не рассчитал время...

Однако, увидев подходившего деда, Витька не стал дальше демонстрировать равнодушие и спокойствие. Быстро забрался на решетчатую пятиметровую мачту бета-ретранслятора и встал на перекладине у отражателя. Дело было на площадке у базовой подстанции, при свете шаровых фонарей. Их белое излучение придавало происходящему излишне драматический и несколько цирковой эффект.

– Марш вниз, с-стервец, – велел Аркадий Ильич.

– Не-а... – сказал Витька с высоты.

– Снять, – металлическим голосом приказал директор.

Два аспиранта, мешая друг другу, полезли вверх. Витька, словно канатоходец Тибул в старом фильме, ступил на наклонную проволоку-оттяжку.

– Не смей! – взвизгнул дед.

Но Витька, балансируя, быстро пошел вниз, – оттяжка уходила за кусты сирени. На полпути он закачался на одной ноге.

– Господи Иисусе, – громко выдохнул профессор Даренский.

Витька быстро закончил путь и высунул растрепанную голову из листьев.

– Я устал, а вы тут с облавой... Я кушать хочу изо всех сил. Дядя Карло, скажите им...

– Аркадио, ребенок хочет кушать! – немедленно возвысил голос профессор д'Эспозито. – Как вам не стыдно!

– Дайте мне сюда этого... – потребовал Аркадий Ильич. – Я устрою ему ужин... с помощью тех методов, которые применялись в иезуитском колледже к самым беспутным воспитанникам.

– Там не применялось никаких методов! – возмущенным фальцетом завопил д'Эспозито. Он явно отвлекал огонь на себя. – Это гуманное учреждение! У тебя средневековые представления!

– Ну да! Отцы иезуиты и гуманизм...

– Сравнить иезуитский колледж с орденом иезуитов так же нелепо, как грамматику с граммофоном!

– Ты и есть старый граммофон! Бол-тун! – окончательно потерял академическую выдержку Аркадий Ильич. – Ты мне портишь ребенка! Ты учишь мальчика не слушаться родного деда! Это и есть твоя христианская мораль?

– Ко-о, – осудил профессора д'Эспозито возникший рядом Кригер. Но тот невозмутимо возразил директору:

– Я защищаю Витторио от твоих иезуитских методов воспитания.

– Синьор д'Эспозито! Отныне я поддерживаю с вами лишь официальные отношения.

– Можешь никаких не поддерживать. Только не кричи «Господи Иисусе», если ты такой ярый материалист...

Собравшаяся научная общественность почтительно внимала полемике двух корифеев. Но при последних словах кто-то неосторожно хихикнул. И профессор Даренский печально сказал итальянцу:

– Иди ты знаешь куда...

Профессор д'Эспозито знал. Но пошел в столовую, где рассчитывал найти Витьку и Скицына. Витька, однако, в это время сидел у Скицына в комнате, лопал из банки холодную

тушенку и делал вид, что не замечает любопытно-вопрошающих взглядов Михаила. Наконец тот спросил в упор:

- Ну?
- Что? – Витька пальцем подобрал с коленей мясные крошки.
- Значит, был?
- Был.
- Ну и... что?
- Что «что»?
- Вообще, – терпеливо сказал Михаил. – Как там?
- Там-то? Всяко...

Скицын явно подавил в себе желание дать жующему собеседнику подзатыльник. И сказал печально:

- Понятно. Беседовать не хочешь... Видно, там тебе уже объясняли, какой я нехороший.
- Не-е, не объясняли этого... Почти... – Витька рукавом вытер губы, встал. Обошел сидевшего на табурете Михаила. Неторопливо прыгнул ему на спину, обхватил руками и ногами. Пообещал примирительно: – Миш, я все расскажу. Завтра. А сейчас я хочу спа-а-ть...
- Он зевнул прямо в ухо Скицыну.

– Оборот, – пробурчал размягший Михаил и понес непутевого приятеля на диван. Стряхнул Витьку с себя, сдернул с его пыльных побитых ног кроссовки.

Витька сонно сообщил:

- Здесь переночую.
- Иди умойся хотя бы...
- Не-а... – зевнул Витька.
- Лодырь.
- Ага...
- Ко-о... – сказал с подоконника Кригер.
- Наш пет е л везде поспел, – одобрительно заметил Скицын и пояснил: – «Петел» по-

старинному «петух».

Витька опять зевнул:

- Зна-аю... Только не «пет е л», а «п е тел»...
- Откуда такая эрудиция?
- От Римского-Заболотова.

Михаил вопросительно возвел брови.

– Ну, – неохотно пояснил Витька, – того... маминого мужа. Он же специалист по всяким старым языкам... Говорят, он добром не кончит.

– За что ты его так? Сам же говорил – хороший мужик...

– Да я о Кригере. – Витька хихикнул. Вывернув шею, глянул на окно. Створки были распахнуты. Кригер, освещенный лампой, стоял на подоконнике, словно бронзовый. За ним было черное небо и очень яркие звезды. – Вчера мы разговаривали, я и... папа... – Слово «папа» Витька проговорил с чуть заметной запинкой, но и с легким вызовом. – Ну, и он... Кригер то есть... так же вот сел на подоконник, подслушивает. Папа и говорит: «Эта птица погибнет от собственного любопытства».

– Ко-о, – презрительно сказал Кригер. И канул в ночь. Внизу раздался крик: там, в кустах сирени, видимо, целовались аспирант Боря и толстая лаборантка Вероника Куггель...

3

Пророчество Мохова-старшего исполнилось. Правда, не в те дни, а зимой, когда группа «Кристалл-2» отважилась на первый опытный прокол пространства. До максимальной концен-

трации энергополя оставалось полминуты, все уже были в укрытии, по бетону экспериментальной площадки мела сухая поземка, вот тут-то и возник неожиданно-негаданно «господин Кригер». Прямо между метровыми блестящими пластинами контактов УСП – установки совмещенных полей.

– Убрать идиота! – завопил в бункере руководитель группы Румянцев. – Кыш, скотина!.. – Динамики разнесли над «Сферой» этот вопль. Но в тот же миг шарахнуло разрядом, над площадкой возник и растаял обрывок летнего пейзажа с березками, а красавец Кригер бесследно растворился в небытии.

По мнению большинства (так и записали в протоколе), любопытного «петела» разнесло на атомы. Но скорбевший Скицын утверждал, что силою многомерных полей отважный Кригер перенесен в иные пространства и сейчас обитает в надзвездных мирах. Это не спасло его, Скицына, от нагоняя со стороны Румянцева («Смотреть надо было за своим горлопаном!»), Румянцев же схватил выговор от директора, а сам профессор Даренский имел объяснение с Центром, ибо всеми было однозначно признано, что эксперимент провалился. Нового теперь ждать и ждать, потому что у Центра энергии не допросишься, а свои накопители «дырявы, как ржавые чайники».

Скицын в память о Кригере вырубил из листовой латуни метровую фигуру петуха и прибил ее высоко на кирпичной стене вспомогательной подстанции.

Витька о всех зимних событиях узнал лишь следующим летом, когда вновь осчастливил деда своим появлением. Гибель Кригера Витьку искренне огорчила. Несколько минут он задумчиво стоял у стены с блестящим петушиным силуэтом. В щель между кирпичами воткнул ветку цветущего шиповника.

Да и потом не раз, проходя мимо подстанции, Витька замедлял шаг и смотрел на латунного Кригера со смесью удивления и печали.

...Но что его привело «к петуху» в тот пасмурный день, Витька так никогда и не понял. Случай? Предчувствие какое-то, интуиция? Тревога?

Тревога вообще-то была растворена в воздухе. Вместе с электричеством. С утра было душно, и над зелеными горами собирались обещавшие грозу тучи. Сизый налет от них даже ложился на белые купола обсерваторских башен. Витька малость побаивался грозы, особенно если она заставала его на открытом месте. Но сейчас он стоял на площадке перед стеной с петухом и словно чего-то ждал. Вдали, над поросшими дубняком склонами, глухо грохнуло. Стало совсем сумрачно. Только латунь Кригера светилась, будто отражала невидимый фонарь. Странно это было. Ой, что-то здесь не то...

Витька поддернул свои пятнистые шорты, которые сшила ему из плащ-палаточной ткани Вероника Куггель, потрогал под коленкой «кригерову точку» (осталась навсегда и опять побаивалась), почесал ногу о ногу. Этими будничными движениями он хотел прогнать непонятную нервную слабость. И все смотрел на металлического петуха.

Самый длинный зубец петушиного гребня был отогнут от кирпича и светился особенно ярко. Вдруг на нем вспыхнул огонек, похожий на пламя свечки. Вырос, превратился в желто-лиловый мохнатый шарик. Размером с крупный абрикос. Кажется, он быстро-быстро вертелся.

«Шаровая молния, – ахнул про себя Витька. – А заземления нет...»

В таких случаях лучше не шевелиться. И Витька не двигался. И не отрывал глаз от бледно светящегося шарика. А тот... приподнялся над зубцом и медленно двинулся к Витьке. По линии его взгляда – как по струне.

Витька драпать не стал. Не смог. И даже не зажмурился. Только слабо поднял перед собой левую руку с полусогнутыми пальцами. Так в нехорошем сне защищаются от всяких страхов. Шарик повисел над рукой, отбросил несколько искорок и... медленно сел к Витьке на сгиб указательного пальца.

И – странное дело: ощутив ласковое, как тополиный пух, касание, Витька перестал бояться. Во-первых, он почуял нутром, что это не обычная шаровая молния, а нечто иное. Стусток неведомых каких-то полей, энергий и сил (здесь, на Генеральном меридиане, может быть всякое). Во-вторых, ему стало ясно, что шарик понимает и чувствует его, Витьку. И не хочет ему плохого. Наоборот, он даже готов слушаться мальчишку, как доверчивая птаха. И он правда послушался, когда Витька попросил его пересесть с пальца на оттопыренный локоть... А на суставе, где раньше чернела засохшая болячка, осталось пятнышко чистой, здоровой кожи. Розовой, незагорелой.

«Дела-а», – осторожно обрадовался Витька. И глазами попросил шарик пройти от локтя до запястья. И шарик прошелся, смазывая царапины, ссадины и коросточки. Было ничуть не горячо, только слегка щекотало кожу и торчком вставали незаметные волоски.

– Ну ты даешь, – сказал Витька шарик, будто приятелю. Подставил под него ладонь. Изогнулся, вывернул ногу, перенес шарик под коленку, где след Кригерова клюва набухал опять красным бугорком. Шарик в несколько секунд залечил надоевшую болячку, убрал ее начисто. А заодно – и похожую на арбузное семечко родинку.

Родинку Витька пожалел – своя все-таки, привычная. Но потеря была невелика, а открытие – замечательное. Не хуже, чем путь в Реттерберг.

– Ты теперь всегда будешь жить у меня? – шепотом спросил Витька.

«Не-а...» – словно сказал шарик. Вытянулся в светлую полоску и пропал.

Витька опечалился. Побрел задумчиво прочь. Но потом его будто подтолкнуло. Он вытянул вверх палец, напряг в себе какие-то неведомые электрические жилки. И шарик-молния, возникнув из воздуха, сел ему на ноготь. Это был уже другой шарик – поярче и покрупнее, но такой же дружеский и послушный.

Через несколько дней Витька умел вызывать маленькие шаровые молнии (или не молнии?) когда вздумается. Легче всего это выходило перед грозой, но если постараться – получалось при любой погоде. Бывало, лежит он где-нибудь на лужайке, закинув ногу на ногу, а на оттопыренном большом пальце ступни вертится и стреляет искорками электрическое яблоко...

Один раз Витька похвалился своими новыми способностями перед Скицыным. Но когда Михаил поманил шарик себе на ладонь, тот желтой стрелой метнулся в сторону и с грохотом разнес аппарат внутренней связи. Запахло изоляцией и озоном.

– Ну тебя на фиг, – сказал Скицын. – Ты, Витторио, допрыгаешься... По крайней мере, помалкивай об этом. У других все равно не получится, это только твое.

И Витька помалкивал. Но еще одному человеку он решил доверить свою тайну. Люсе...

Люсины плечи – худые и беззащитно-незагорелые – всегда были исцарапаны колючками и ветками. Если снимать царапины шариком, то можно как бы случайно коснуться ладонью плеча и тоненькой ключицы, над которой проклюнулась голубая дрожая жилка. При тайной мысли об этом Витька переставал дышать от ласкового замиранья.

Люся была дочка здешнего лесничего. Их дом стоял в двух километрах от южной кромки кратера, где лежала гигантская чаша РМП. В прошлом году Витька с Люсей не встречался и даже не знал про нее, а в начале этого лета увиделись они в лесу. Ну, сперва, конечно, смущенно косились друг на друга, потом разговорились. А через пару дней сделались друзьями.

Хотя «друзья» – здесь неточное слово. При Люсе Витька становился кротким и радостно-послушным, а она при нем – сдержанно-строгой и рассудительной. Каждое утро Витька являлся к ее крыльцу, как на службу, готовый выполнить любой приказ. И только если слышал «извини, Витя, я сегодня занята», со вздохом возвращался в обсерваторию.

Однажды Скицын с досадой и даже некоторой ревностью сказал профессору д'Эспозито: – Что он нашел в этой пятнистой швабре?

Люся и правда была не красавица. Костлявое бледное существо одиннадцати лет. Жидкие растрепанные хвостики бесцветных волос, перехваченные резиновыми колечками от аптечных пузырьков. А лицо... Такие лица принято сравнивать с перепелиными яйцами. Избитое сравнение, но лучшего не придумаешь. Продолговато-овальное, с равномерной россыпью коричневых веснушек.

А среди этой россыпи – бледно-зеленые не улыбочивые глаза. Они-то, видно, и заволаживали Витьку.

Но Карло д'Эспозито видел причину в другом. Он сказал Скицыну серьезно и со знанием дела:

– Микель, тут не столько первая влюбленность в девочку, сколько рыцарский дух Витторио. Его душе необходима Прекрасная Дама...

Михаил хмыкнул.

– А кроме того... – задумчиво сказал д'Эспозито.

– Что?

– Мне кажется... мальчику не хватает мамы, хотя она у него и есть... А в каждой девочке дремлет материнское начало. Вспомните, как она вчера пробирала его за неряшливость и вытаскивала из волос у него репьи...

– А он таял, – вздохнул Скицын.

...Конечно, Люся сперва перепугалась, увидев шаровую молнию. Витька терпеливо уговаривал. Для убедительности храбро рассадил о ствол дуба костяшки пальцев и тут же залечил.

– Но это же свежие ссадины, – нерешительно сопротивлялась Люся. – А у меня все засохшие, старые.

– И старые берет! – Витька брякнулся в траву, задрал ногу. – Видишь, раньше прошлогодняя болячка была, а теперь где... Даже родинку слизнуло.

– Да? – вдруг оживилась Люся. – Значит, тогда и... веснушки может? – У нее покраснели уши и даже плечи сделались розовыми.

Витька сел (шарик вертелся у него над коленкой). Помигал. Насупился. И впервые заспорил с Люсей:

– Не-е... Не надо.

– Но ты же сам говоришь – не опасно.

– Да не в этом дело...

– Думаешь, не получится?

– Да пойми же ты, – тихо и отчаянно сказал Витька. – Если убрать веснушки, что останется! У тебя в них вся красота!

Он тут же перепугался: кажется, сказал не то. Но Люся... она не рассердилась. Потупилась, дернула себя за хвостик волос.

– Ох уж, красота...

– Ну, честное же слово! – обрадованно поклялся Витька.

– Ладно... – Она шевельнула плечом с тонким крылышком безрукавого платяца. – Убирай царапины...

Потом Люся уехала к родственникам в город Теплый Порт. На остаток лета. И Витька – один на поляне у старого дуба – откровенно и долго плакал: себя-то чего стыдиться. Так, с полосками на щеках, и вернулся в обсерваторию. Михаил сказал прямо:

– Не убивайся. Следующим летом увидите опять.

– Это же вечность, – вздохнул Витька. – И вообще... через год будет уже не то...

Летом следующего года Люся уезжала куда-то с матерью, а потом отдыхала в крымском лагере. С Витькой они увиделись только в начале августа.

Витька оказался прав – было уже не то.

Люся не была теперь маленькой, костлявой и растрепанной. Волосы стали гуще, и пышные хвостики их перехватывались не резинками, а зажимами в виде божьих коровок. Такие же божьи коровки висели на мочках ушей – клипсы. Видимо, Люся понимала, что эти пятнистые жучки идут ее веснушчатому лицу. Впрочем, веснушки были не очень заметны на крымском загаре.

– Наконец-то загорела по-человечески, – усмехнулся Витька, когда они встретились на южной кромке РМП. – И вообще...

– Что? – спросила Люся и потупилась.

Она выросла за год, обогнала Витьку на полголовы. Казалось бы, еще больше должна поглядывать на него свысока. Но и Витька был сейчас не такой, как раньше. Ростом, правда, остался почти прежний, а в душе... Во-первых, уже не одиннадцать с половиной, а почти тринадцать лет. Разница! Во-вторых, он хлебнул всяких событий в Реттерберге, владел теперь двумя языками Западной Федерации, знал жутковатую тайну прямого перехода, бывал у Башни, а в июне Рэм Погорский дал им с Цезарем тяжелые значки – медных петушков. Их отливали из нетускнеющей меди в стране, которой владел верховный князь Юр-Танка...

Ничего такого не знала Люся. На значок, что оттягивал Витькину рубашку, глянула мельком, не спросила, откуда такой. Ее больше занимали свои бусы и брошки. И одевалась она теперь не в потрепанные платица или комбинезоны, а так, будто с утра на праздник собирается...

В прошлом году, когда купались в озере, Люся была совсем как пацаненок, плавала в одних мальчишечьих трусиках, а в этом году Витька увидел на ней поперек груди полоску с двумя плоскими матерчатыми кружками. И опять снисходительно хмыкнул. Однако Люся не обижалась на его снисходительность, а то и на командирский тон. Ей, кажется, нравилось, что роли поменялись. Это порой удивляло Витьку. Он сам понять не мог: лучше стало или хуже?

Впрочем, как бы там ни было, а все равно дружба сохранилась, а это уже хорошо.

И утром того дня, когда они собрались в Итта-даг, настроение у Витьки было вполне лучезарное.

Детские песенки

1

В какие-то очень древние времена в ложбину среди горных складок Яртышского отрога грянулся небесный камень. Во много тысяч пудов. Ахнул так, что кратер сохранился до наших дней. В восемнадцатом веке один из открывателей здешних мест, побывавший в котловине с отрядом казаков, писал в берг-коллегию:

«...А ямища сия зело обширна, кругла и склонами крута. Во глубину, ежели до уровня земли по отвесу, не менее сотни сажен, а в ширину будет более полуверсты, так что с края до края не докричишься. От верху по самую глуть заросла низким дубом, можжевельником и всяким стлаником и травами, кои по невежеству в ботанической науке назвать не умею...»

Не так давно (в год, когда родился Витька Мохов) горные бульдозеры хорошенько расчистили кратер и придали ему форму параболической чаши. Затем грузовые дирижабли уложили на склоны концентрические кольца из титановых желобов метрового диаметра. Сверху протянули через них радиусы – от центральной площадки до верхней кромки кратера. Так и возник знаменитый среди межпространственников радар МП.

Гигантская решетчатая антенна была неподвижна. Ни вращать ее, ни менять угол не требовалось: совмещенные поля многомерных пространств, по официальной теории МП, излучали сигналы независимо от трехмерных координат.

Рядом с чашей РМП выросла обсерватория – с башнями, куполами, антеннами, жилыми коттеджами и прочим хозяйством. В пяти километрах от нее лежал поселок Ново-Яртыш – тысяч пять жителей, школа, больница, кино, станция информатория, вокзал местной железнодорожной ветки, администрация заповедника. Ибо вся Яртышская котловина считалась заповедной зоной.

Говорили, что здесь «второй Крым». Витька считал, что это не так. Во-первых, близко нет моря, во-вторых, горы не такие острые. Но что-то было и в самом деле как в Крыму. У коттеджей росли кипарисы. В апреле зацвел миндаль. И небо, если только не случалось грозы, всегда было безоблачным и чистым. Впрочем, последнее обстоятельство сотрудники «Сферы» не считали особенно важным. Несмотря на обилие телескопов, астрономией здесь занимались далеко не в первую очередь.

Наверно, правильнее было бы назвать обсерваторию не «Сферой», а «Кристаллом». Но название пошло от РМП, который напоминал внутренность зеленого полушария, высланного серебристой радиальной сетью. Все равно не точно. Надо бы уж тогда – «Полусфера»... Витька думал об этом каждый раз, когда оказывался на краю гигантской антенной чаши...

К желобу № 59 Витька пробрался тайным путем, сквозь заросли у фундамента главного рефлектора. Солнце уже высоко стояло над заросшими дубняком склонами. Высушило кусты и травы, рассеяло туман. Однако в чаще сохранилась еще росистая влага. Витькина рубашка промокла, к лицу и ногам липли прошлогодние листики мелкой акации.

Отплевываясь, Витька выбрался к высокому бетонному парапету, который опоясывал весь РМП. Подтянулся, лег животом на край, потом встал на этой кольцевой стене, сложенной из блоков метровой ширины. Вдохнул и засмеялся от простора и света. Рядом переливчато свистела какая-то птица, а вся великанская чаша антенны была наполнена стрекотом кузнечиков. И запахом скошенной травы. Густой клевер и ромашки среди титановых колец и радиусов косили вручную полуголые практиканты зоотехнической службы заповедника. Солнце вспыхивало на лезвиях кос.

Верхний конец радиального желоба вделан был в парапет на одном уровне с бетоном (рядом – эмалевая табличка с числом 59). Первые несколько метров титановая отшлифованная полутруба уходила вниз почти отвесно. Витька потоптался, вздохнул, как всегда, перед «стартом». Впрочем, это – лишь две секунды. А на третьей он подпрыгнул, выкинул вперед ноги и ухнул в желоб.

Жуть падения ударила по сердцу. Почти как в тяжкие секунды прямого перехода. Свистел воздух, свистел по одежде металл. Но почти сразу Витьку прижала к титановому лотку центробежная сила. Несло его все еще очень быстро, но он уж не летел, а ехал. Наклон желоба уменьшался. Стараясь не чиркнуть о металл икрами и голыми локтями, Витька принял сидячее положение.

Витькины старенькие пятнистые шорты уже порядком обветшали, и недавно Вероника Куггель украсила их сзади большой кожаной заплатой. Это было очень удобно для велосипеда и для таких вот «поездок». (Скицын ехидничал, что еще и для того момента, когда у деда «окончательно и полностью лопнет всякое терпение».)

Желоб звенел, воздух шумел, а навстречу Витьке... мчалась тележка-робот! Двухметровая черепаха с длинными, похожими на растопыренные крылья локаторами. То есть мчался сам Витька, а набитая нейросхемами черепаха мирно ползла, цепляя шестеренками зубчики на краях титанового лотка. Но не все ли равно!

Откуда она здесь, на радиусе № 59! Святые Хранители...

Откинувшись назад, можно пролететь под плоским днищем. Но за тележкой всегда тянется контактный щуп – толстенный конец кабеля с метелкой из медной проволоки! Доигрался, мальчик! Сейчас тебя этот хвост в свинцовой оплетке разделает надвое, как селедку...

Все эти мысли – в один крошечный миг. А потом – как он успел?! – удар правой ногой по скользящему металлу, тело швырнуло влево, темное брюхо робота задело волосы, кабель свистнул рядом. Медной метелкой огрело по ступне, сорвало кроссовку. Витьку опять вынесло в середину желоба, перевернуло на живот. Так он и ехал – неловко растопырившись, обжигая о гладкий титан колени и перепуганно глядя на удаляющуюся тележку. Ехал все тише и наконец уперся в край центральной площадки ногами – левой кроссовкой и правой босой ступней.

Витька лежал, глядя вверх, вдоль желоба. Тележка была уже высоко и казалась маленькой. Полосатой своей черно-желтой раскраской и полупрозрачными крылышками она изда- лека напоминала пчелу. Их так и называли – «пчелы»... «У, с-скотина, – мысленно сказал ей Витька. – Чуть мокрое место не оставила...» Он передернулся, представив, как это могло быть. Чудом ведь извернулся. Видимо, сказалось умение водить уланский диск, там всюю вер- тишься, тренировочка...

К носу медленно подъехал сорванный кабелем башмак. Он был цел, только поцарапан. Витька сел, взялся за ступню. Кожа сбоку разодрана, будто когтистой лапой. Ладно, сейчас не до лечения. Он стал натягивать кроссовку. Царапины не болели, но сильно болела пятка. В перепутанные от страха и досады мысли вдруг влезла не к месту (или к месту?) детская песенка – из тех, что не одобряют взрослые. На мотив замедленной лезгинки: «Укусила пчелка собачку за больное место... гм... за пятку. Вот какая вышла подначка, надо будет ставить заплатку...»

Он усмехнулся: «Пчелка...» Глянул опять на тележку через плечо. «Откуда ты взялась на этом желобе?»

Вот что самое непонятное и даже... страшное: откуда?

Задача тележек-роботов была улавливать пространственные связи и конфигурации, которые мгновенно и без системы возникали в точках совмещения многомерных полей. У каждой «пчелы» – свой закрепленный на схеме путь. Ходили они только по четным радиусам, да и то не по всем. А тут...

Ну ладно, перенесли зачем-то. Но ведь любой человек в «Сфере» знает, что Витька пользуется пятьдесят девятым, когда надо пересечь РМП по прямой. Конечно, это запрещено «категорически, раз и навсегда, а то больше ноги твоей не будет в обсерватории», но он же все равно катается, и всем это известно. И должны же были сказать: «Витька, не вздумай больше сигать по пятьдесят девятому, ставим „пчелу“, расшибешь башку...»

А кто поставил? Почему именно на пятьдесят девятый? Как нарочно...

Нарочно?

Обдало холодком – как в тесных улочках у Цитадели, когда рядом свистят и проносятся уланские патрули, а ты сидишь в заросшей белоцветом каменной щели, и рядом у щеки дышит Цезарь, а под рубашкой катаются колючие шарики страха. Потому что опасность – всерьез...

«Хотя Цезаренок-то ничего не боится, кроме прямого перехода... Господи, а я чего боюсь? Здесь-то! Какие-то шляпы намудрили, с тележкой, вот и все... Но кто?»

Теперь он крепко разозлился. И как всегда, страх от злости пропал. Витька вскочил, забрался на центральную площадку. Прихрамывая, пошел по гулким титановым листам. Сверху этот блестящий, диаметром в двадцать метров круг кажется небольшой тарелкой. И Витька знал, что он в своей темно-синей рубашке – как одинокая муха на этой тарелке. Все равно кто-нибудь заметит и наябедничает деду. Но сейчас Витьке было наплевать.

По желобу номер два подошла к площадке тележка. Толкнулась о край буфером-контактом, приготовилась ехать обратно. Витька прыгнул ей на выпуклую черно-желтую спину, в тень алюминиевого крыла. Лег животом, уперся ногами в страховочную скобу. Откинул крышку аппарата контрольной связи. С размаху вдавил девятую кнопку.

– «Кристалл-2», дежурная бригада, – отозвался динамик девичьим голосом.

– Скицына позови! – рявкнул Витька в черную воронку микрофона.

– Ты, Витенька, поздоровался бы сначала...

– Скицына давай! Мне по делу, срочно!

– Совсем ты, Витька, охамел, – обиделся голос, но крикнул в сторону: – Их величество Витторио Первый требуют Михаила Петровича! Категорически!

– Чего тебе? – сказал Михаил через две секунды. – Пожар?

– Какие дураки посадили «пчелу» на пятьдесят девятый радиус? – со звоном сказал Витька.

Скицын сразу же понял:

– Ты живой?

– А ты видел перепуганных покойников?

– Цельный?

– По счастливой случайности...

– Холера тебя носит! Смотреть надо, когда сигаешь вниз башкой!

– На пятьдесят девятом смотреть? Там сроду ничего не было!

– А сейчас откуда?

– Это я тебя спрашиваю... – сказал Витька. Его опять накрыло запоздалым страхом. Тележка между тем бодро ехала вверх. Скицын проговорил:

– Ничего я не знаю... Зачем переносить «пчелу»? Да и все бы про это слышали. Разве такое сделаешь незаметно? Полторы тонны...

«А в самом деле... – подумал Витька. – А может, ночью? Бесшумным грузовым дирижаблем? Но зачем?»

– Слушай, ты, наверно, перепутал радиусы! Вечно носишься не глядя...
– Сам ты... – устало сказал Витька.
– Ты сейчас где?
– Где надо...
– Дуй домой, будем разбираться.
– Ну уж фиг! – Витька приободрился. Он словно перелил свою тревогу Скицыну и освободился от неприятного груза. – Дома я буду только вечером, потому что иду с Люсей в Итгадаг.

– Куда-куда? Опять в ту преисподнюю?

Витька захлопнул крышку и мстительно хмыкнул, представив, какой тарарам сейчас поднимется в «Сфере». И какую нахлобучку получают «новаторы», пересадившие «пчелу». Если... Если только... Да ну, чушь какая лезет в голову! Разозлившись на себя, он трахнул кулаком по спине ровно гудящей «пчелы». Потом подумал, что и самому ему не миновать вечером крупной нахлобучки. Это была мысль о привычном, и она успокоила Витьку.

Тележка ползла вверх уже очень круто, Витька теперь не лежал, а стоял на скобе, держась за крышку. А когда оставалось до края метров десять, он сильно толкнулся ногами, махнул через край желоба и упал в чашу орешника. Потом, цепляясь за ветки, выбрался наверх. Морщась от боли в пятке, залез на парапет. И сразу увидел, как от лесной опушки идет сквозь заросли иван-чая Люся.

Сразу все отодвинулось назад – «пчела», спор со Скицыным, глупый страх. Было утро, солнце, дорога. Витька прыгнул, пошел навстречу.

2

– Здравствуй, – сказал он, и Люся засветилась:

– Здравствуй... Ух, какой ты взъерошенный.

Витька ответил без насмешки:

– Зато ты красивая за двоих.

Она была в отглаженной теннисной юбочке, в желтой блузке с белыми горошинами и белым галстучком. На длинных ногах новенькие желтые гольфы и белые сандаlette. И улыбалась – зубы крупные и круглые, как те же горошины на блузке.

– Будто в парк собралась. Обдерешься ведь...

– А сам-то! Руки-ноги тоже...

– Меня никакие колючки не берут.

– А меня, что ли, берут? Забыл, что я дочь лесничего?

Он сказал примирительно:

– Лесная фея... Ладно, пошли.

– Напрямик через лес?

– А другой дороги и нет.

– Ох уж!

– Я серьезно говорю... Прямо по меридиану.

– Значит, строго на север? Или на юг?

– Ох, да не по тому меридиану. Вот так... – Витька ладонью рубанул перед собой. – По гироскопу.

Люся вздохнула. Ничего, мол, я в этих делах все равно не понимаю...

Они перешли по пояс в траве поляну, пробрались через густой орешник опушки и оказались в полумраке под плотной широколиственной крышей. Здесь, в заповеднике, Витька до сих пор не знал всех названий деревьев. Лес был южный, среди могучих дубов и вязов стояли желтовато-серые, без коры, великаны с кружевными листьями. Их голые стволы оплетали мохна-

тыми канатами лианы с желтыми звездочками цветов. Чиркали по коленкам узорчатый густой папоротник и какие-то громадные ландыши. Воздух был как в прохладной гулкой аптеке – с валерьянкой и мятой. Кто-то шелестел и юрко шастал под ногами. Но змеи здесь не водились, шагать можно было без опаски.

Люся сказала вроде бы насмешливо, но со скрытой робостью:

– Все-то ты, Витенька, сочиняешь. Говоришь, всего пять километров идти... Я тут всю округу знаю, нет такого места. И папа говорит, что нету никакого Итта-дага.

Витька прошелся по лежащему стволу – заросшему и трухлявому. Оглянулся через плечо.

– Как же нет, если мы туда идем? Просто название я сам придумал. «Итта» – это... ну, по имени одного марсианского племени. А «даг» значит «горы», «предгорья»... Говорят, в древности сюда добирались кавказские племена. Может, от них там и развалины...

– Сюда? Кавказские?

Витька прыгнул со ствола, усмехнулся:

– Ерстка...

– Что?

– Слово такое... Означает: «Может, было, а может, нет...»

– Это по какому? По-реттербергски?

– Что? – развеселился он. – Вполне по-русски!.. А ты же говорила, что не веришь ни в какой Реттерберг.

– Но ты-то веришь... Ай!

– Предупреждал ведь, что обдерешься. Под ноги не глядишь...

– Пусти... – Люся легко перескочила мшистую, спрятанную в папоротнике корягу. – Просто я с тобой заболталась...

– Эн ганг найт цанг унд найт аогенданг, – назидательно сказал Витька на северном наречии Вест-Федерации. – Что означает...

– Да знаю! «На пути не мели языком, чтоб под глазом не быть с синяком»...

– Ух ты! – изумился Витька. – Откуда?

Она ответила с покровительственной ноткой, совсем как в прошлом году:

– Радость моя, зимой, когда ты грызешь науки в своем Ново-Томске, я, по-твоему, где? Здесь, в Яртышском интернате. А твои «эмигранты» где? Здесь же... От них и научилась.

– Но ведь... Их же, говорят, всех по домам разобрали, – неловко сказал Витька.

– Не всех... Да и учатся-то все равно они там, вместе... Уж будто бы ты не знал!

Витька неопределенно повел плечом.

Было дело, в прошлом августе он вывел своим путем из Южной Пищевой слободы семейных мальчишек и шестерых девчонок – маленьких арестантов какой-то подлой тюремной школы. Кир, хозяин «Проколотого колеса», сказал – надо. Отец тоже. Витька тогда еще понятия не имел ни о Якорном поле, ни о Башне, но как поступать в таких случаях, знал не хуже Пограничников... Скандал, правда, случился немалый, и Витька всерьез поверил, что дед надеет ему уши, как «в старые добрые времена»... Но в скором времени дело замяли, тем более что ребятам все равно деваться было некуда... Потом Витьке и в голову не приходило, что кто-то будет об этом случае говорить и напоминать.

Он пожал плечами: нашла, мол, о чем разговаривать. Люся поджала губы: сам начал, не я. Тут они вышли на конную тропу. Навстречу проскакали на лошадях без седел трое практикантов из учебного центра заповедника. Помахали руками.

Тропа вывела из леса в ложбину с луговой травой и шапками кустарника. Воздух трепетал от кузнечиков и птичьего пересвиста. Сразу обдало солнцем. Прошли шагов двести среди высокой сурепки и белых зонтичных соцветий. С заросшего склона бежал среди кустов ручей.

Вернее, даже речка – шириной метра три. Вода была темная, но очень прозрачная, видны все камушки.

– Перескочишь? – без всякой задней мысли спросил Витька.

Люся покосилась и, насупившись, стала расстегивать сандаletки.

– Стой... – Витька присел, храбро ухватил ее за спину и под колени и, выгибаясь от тяжести, ступил в ручей.

– Ай... Сумасшедший!.. Утопишь ведь...

– Ага... – И хотя ноги сводило от холода (вода-то из горного родника), нарочно затоптался посреди речки, будто теряя равновесие. Ах, как здорово она завизжала и вцепилась в него... А на берегу опять сказала:

– Сумасшедший.

И он опять сказал:

– Ага...

Взяли влево, стали подниматься по склону, к зарослям. Люся наконец обратила внимание:

– Ты почему хромаешь?

– А... Укусила пчелка за пятку...

– В прошлом году ты был гораздо серьезнее...

– Ну и что? С возрастом все глупеют...

Началась чаща дубняка, склон стал круче. Ветки хватали за плечи. Под рубашку Витьке скатился твердый желудь.

– Тут тропинка, только ее не видно... Руку давай.

Она послушно дала руку, но вдруг спросила:

– Вить... А Дину ты тоже носил на руках?

– Кого? – искренне удивился он.

– Ну, Дину Ясвицкую... которую ты с теми ребятами привел.

– С чего ты взяла?

– Она говорила... Ты ее нес от платформы...

– Святые Хранители! Состав стоял полминуты, насыпь высокая, дождь, скользко, они продрогли. Я и один их парнишка хватали всех на руки без разбора, тащили вниз... Я даже не помню, как кого зовут!

Он говорил правду. Он помог этим ребятам и считал, что дело сделано. Потом он с ними почти не встречался. Потому что... потому что разные он и они, это было ясно сразу. Конечно, они хорошие люди, особенно старший (Антон, кажется), но... Витьке неловко было от их какой-то сдавленности, прижатости. Наверно, потом все у них наладилось. Теперь им хорошо, это главное. А для Витьки важны были не те, кого он вывел оттуда. Важен был тот, кто там остался.

«Цезареньш...»

Никогда Витька вслух так его не называл. Ого, скажи-ка такое! Но издавека-то, в мыслях, можно. И Витька заулыбался от наплыва радостной ласковости. И конечно, тут же толкнулось беспокойство: как он там?

А у Люси было свое на уме. И когда выбрались из дубняка к черной, горячей от солнца сланцевой осыпи, Люся отдышалась и спросила, будто слегка дурачилась:

– Вить, а ты раньше с девочками дружил по-настоящему?

Он уточнил серьезно:

– Кроме тебя?

– Ну...

Тогда он глянул краем глаза и сказал покаянно:

– Что скрывать, было. В давнем детстве...

- Правда?
- Ага... Ее звали Зинаида.

3

Все ее, семилетнюю, так и звали, полным именем. И ребята, и взрослые. Несмотря на миловидное личико и роскошные ресницы, была она храбрая, самостоятельная и твердо знала, что дети ничуть не глупее учителей и родителей. А иногда и умнее... Витька же в ту пору был нерешительный мамин мальчик, и что нашла в нем Зинаида, навсегда осталось непонятным.

Если бы ей просто нравилось командовать Витькой, тогда ясно. Однако Зинаида не помыкала мальчишкой, как иные капризные примадонны. Она старательно тянула Витьку «до своего уровня». Учила – серьезно, без насмешек – давать сдачи обидчикам, не бояться лазать по деревьям и прыгать в крапиву, спорить с учительницей, свистеть сквозь дырку от зуба и делать вид, что тебе весело, если на самом деле страшно. Может, ей нравилось, что он такой доверчивый и послушный? Нет, что послушный, не нравилось. Однажды она вскипела:

- Ну что ты такая тютя! Мигаешь и молчишь! Хоть бы подрался со мной!
- Зачем? – тихо спросил Витька.
- Ну нельзя же быть таким синеглазым облизанным теленком!

«Синеглазый облизанный теленок» – это показалось оскорбительным. Витька подумал, вздохнул и стукнул. Она обрадованно треснула его по носу. Неведомые доселе чувства освободили в крайне обиженном первокласснике Мохове какие-то пружины: он коротко, без слез, взревел и кинулся в бой. И они подрались бурно и от души. В школьном буфете. И были доставлены в кабинет директорши, где после всяких грозных слов и поучений последовал приказ – мириться! Но мириться при директорше они не стали и покинули кабинет, показав друг другу кулаки.

Мир был заключен позже, после уроков, – крепкий и радостный. Зинаида храбро чмокнула Витьку в щеку и велела ему сделать с ней то же самое. И там, в уголке школьного весеннего сквера, по щиколотку в рыхлом снегу, они обещали друг другу «быть как сестра и брат».

С той поры Зинаида смотрела на Витьку как на равного. Но все же она была умудреннее в разных житейских делах. Чтобы Витька не отставал в развитии, она по-дружески посвящала его во всякие тайны. Так Витька узнал, например, что далеко не все младенцы выращиваются в пробирках в Институте охраны раннего детства. Наоборот, случается это довольно редко, а чаще всего они при известных обстоятельствах заводятся в маминых животах, откуда и появляются на свет.

Витька поверил Зинаиде, но, потрясенный этим сообщением, решил уточнить подробности у мамы. И был большой крик, «чтобы ты больше не смел близко подходить к этой испорченной девчонке!». И мало того, мама пошла к учительнице. А учительница, поглядев на бледного Витьку и потом на маму, доверительно спросила:

- А что, он у вас в самом деле пробирочный?

Мама увлекла несчастного Витьку за руку из учительской почти по воздуху и заявила, что переводит его в другую школу.

И вот тут послушный и воспитанный мальчик Витя впервые устроил бунт. И объявил голодовку. Конечно, это был запрещенный прием. Но безотказный. Того, что «ребенок ничего не ест», мама боялась больше, чем всех испорченных девчонок на свете.

– Изверг... Кто мог подумать, что в тихом омуте вырастет такое чудовище? Впрочем, понятно в кого...

Тот, «в кого» было у Витьки все нехорошее, уже тогда жил отдельно от семьи. То в университетском поселке, то в «Сфере»...

Так или иначе, Витька выиграл сражение. И даже не поехал в летний лагерь, чтобы в каникулы быть с Зинаидой.

Они жили недалеко друг от друга, играли на пустыре позади остановленной стройки химкомбината. Иногда с ребятами, иногда вдвоем. Друг с другом им ни разу не было скучно. Даже если совсем нечего делать, можно просто сидеть в оконном проеме недостроенного цеха, качать ногами, болтать о чем-нибудь или петь всякие песни. А была еще такая забава: вытаскают две гибкие доски из оставленного на стройке штабеля, вставят их одним концом в щели между бетонными блоками в метре от земли, а на другой конец прыгают сами – каждый на свою доску. И качаются, летают вверх-вниз друг перед другом. И хохочут. Или опять поют. Надо сказать, у Зинаиды был голос чистый и звонкий, да и у Витьки хороший дискант...

И вот так они однажды качались и пели. И поскольку была вокруг солнечная пустота и полная независимость от всяких запретов, пели они песню о Жучке, известную всем с детского возраста. Вдохновенно и трогательно:

Укусила пчелка собачку
За больное место...

Далее без церемоний называлось пострадавшее собачкино место и описывались мучения Жучки, атакованной вероломным насекомым. Ясные детские голоса выводили в тишине почившей стройки:

Стала Жучка охать и плакать:
«Как же я теперь буду...»

Но тут Витькин дискант осекся. И Зинаида в сольном варианте закончила куплет, повествующий о горестных сомнениях многострадального животного. Ибо она качалась спиной к тропинке и не видела возникших там прохожих.

Прохожие эти были полный очкастый дядька и Витькина мама.

– Атас... – пискнул наконец Витька.

Зинаида по-балетному повернулась на носочке, скакнула в лебеду, сделала Витькиной маме и незнакомцу книксен:

– Здравсте... Витечка, я пойду, вечером поговорим, как дела.

Это не было малодушием и дезертирством. Это был реальный учет обстановки: помочь Витьке она все равно не могла и своим присутствием лишь сильнее раздосадовала бы его маму.

– Та-ак... – сказала мама. – Иди сюда. – И поскольку Витька стоял, как прибитый гвоздем, подошла сама. – Вот он, полюбуйтесь, Адам Феликсович... Я же говорила, что искать его следует на пустырях и помойках. Но я, по правде говоря, не ожидала, что он уже освоил такой... помойный репертуар... – В голосе мамы что-то стеклянно подрагивало...

– Да помилуйте, Кларисса Аркадьевна! – весело возгласил мамин спутник. – Это же детское устное творчество, оно корнями уходит в эпоху феодализма! Целый пласт нашей фольклористики, пока еще почти не тронутый...

– Ах, пласт... – Красивая интеллигентная мама выдернула стебель чертополоха и верхушкой огрела певца по ногам, а колом по шее (за шиворот посыпались крошки).

– Кларочка, что ты делаешь! – Широкий Адам Феликсович быстро заслонил Витьку.

Покрасневшая мама сказала:

– Одно к другому. Пусть и воспитательные приемы уходят корнями в феодализм... – Она выпустила чертополох и отряхнула пальцы. – Жаль, что сбежала эта красавица... Чтобы я ее рядом с тобой больше не видела! Предупреждаю последний раз!

– Не буду обедать, – быстро сказал Витька из-за локтя Адама Феликсовича.

- На здоровье! Можешь заодно не завтракать и не ужинать...
- И не буду... – сообщил Витька менее уверенно. – И... помру.
- Не успеешь. Отправишься в круглогодичный интернат, где из тебя быстренько сделают человека.

Витька заложил руки за спину и наклонил голову.

– Это при живых-то родителях?

– Одному родителю до тебя нет дела, а второго... меня то есть... ты скоро вгонишь в гроб!

Витька был уже искушен кое в каких жизненных ситуациях. Посмотрел на маминого знакомого, на маму.

– Понятно... Значит, третий – лишний, да?

– Виктор!

Адам Феликсович ухватил Витьку за плечи, прижал спиной к своему круглому животу, который весело колыхался.

– Кларочка! Этот гениальный ребенок попадет в интернат только через мой труп! А сделать из меня труп не так-то легко.

...Вечером Зинаида спросила:

– Думаешь, поженятся?

– Факт.

– Ну и дела... Знаешь, Вить, ты им не мешай. Пусть...

– Да я и не мешаю пока... А дальше видно будет...

– А отец-то навещает?

– Ага... нечасто. Почему-то он всегда грустный какой-то.

– А чего ему веселиться, – сказала мудрая Зинаида.

Новый мамин муж Адам Феликсович Римский-Заболотов и Витька зажили вполне по-дружески. Не то чтобы Адам очень нравился Витьке, однако нравилось то, что он не лезет в отцы и воспитатели. Ко всем жизненным сложностям отчим относился легко и без «лишних мудростей». Такой подход не всегда устраивал маму, но это уже другой вопрос. Зато дружить с Зинаидой она больше не запрещала. Да и недолгий срок отпустила этой дружбе судьба.

Осенью Зинаидиною отца перевели в какой-то НИИ в Харьков, и она уехала вместе с родителями. Ну, погрустили оба, попереписывались немного, несколько раз говорили по видеку. А потом... жизнь есть жизнь, у каждого своя. Но, конечно, Витька был рад всегда, что на восьмом году этой жизни повстречалась ему Зинаида. Да и та, наверно, была рада...

– Дружил, – вздохнул Витька. – Только это у-у-у когда было... Осторожно! – Он дернул Люсю за руку. Сверху со стуком ехала маленькая лавина сланцевых плиток. – Тут глядеть надо.

– Я здесь, оказывается, и не бывала ни разу.

Склоны были теперь безлесными. Осыпь кончилась, справа и слева торчали скалы, похожие на громадные серые клыки. Между ними сновали какие-то пестрые птички с хохолками. Перекликались: «Черр... черр...» Скоро скалы – темные, ребристые – обступили со всех сторон. Этаким гигантский «сад камней». Люся смотрела уже с беспокойством:

– Вот странно. Будто и не рядом с домом, а где-то... Это и есть Итта-даг?

– Не совсем еще. Но близко...

– Жарко. Жаль, фляжку не взяли.

– Здесь рядом родник.

Теперь скалы выстроились в два ряда. Казалось, что Люся и Витька идут между развалинами крепостных стен. Слева в толще дикого известняка вдруг видна стала искусственная кладка – стенка из желтоватых пористых камней, а в ней маленькая сводчатая ниша. Там из каменного желоба падала стеклянная струйка.

Люся радостно взвизгнула, прыгнула вперед, подставила ковшиком ладони. Уткнулась в них губами. Потом повернула к Витьке мокрое веселое лицо:

– Холодная какая... – Смахнула на него брызги с ладоней, засмеялась.

Витька тоже напился. От ледяной воды ломило руки и зубы.

Люся присела на плоский камень.

– Отдохнем чуть-чуть, ладно?

Витька спиной прислонился к теплому известняку. Сказал снисходительно:

– А говорила – не обдерешься. Вон дырки-то...

Люсины желтые гольфы были порваны в нескольких местах.

– Подумаешь... – равнодушно отозвалась она.

«Устала», – с беспокойством понял Витька.

– Ой... – Люся вдруг потянулась к травяному кустику с мелкими желтовато-белыми цветами. – Я таких не видела.

– Не рви! – вскрикнул Витька.

– Я не рву, что ты. Просто смотрю...

Витька объяснил, будто извиняясь:

– Они редкие.

– Реликт?

– Не реликт, но все равно редкие. Только здесь растут... – Он сел перед кустиком на корточки. Листья были мелкие, как зеленые чешуйки. У каждого цветка пять лепестков, каждый лепесток – будто крошечная растопыренная ладошка. Витька сказал: – Они называются «андрюшки».

– Почему? – Люся, кажется, повеселела.

– Ну... так. Бывают васильки, анютины глазки, а эти – андрюшки.

– Ты, наверно, это сам придумал. Как Итга-даг...

– Не-а...

«Андрюшек» придумал Цезарь. Ранним летом Витька выпросил его у родителей на два дня и привел сюда. Это случилось единственный раз, потому что путь через Окружную Пищевую не близкий, а прямого перехода Цезарь не знал. И знать не хотел, боялся. Однажды он виновато и прямо признался в этом Витьке.

До той поры Витьке было известно, что Цезарь Лот боится в жизни лишь одного: что опять арестуют мать и отца. Но после судебной реформы и отмены обязательных индексов не так-то просто было в Западной Федерации кого-то арестовать. Особенно всем известного штурмана Лота.

...Витька выпрямился.

– Люсь, может, пойдём? Недалеко уже. Скоро остатки крепости, там в фундаменте щель и подземный ход...

– Ой...

– Не бойсь, – дурашливо сказал Витька.

Храм без купола

1

Каменный коридор был высокий, но тесный, не шире метра. Он полого уходил вниз, под толщу горного склона. Почти сразу стало темно. Витька вынул из нагрудного кармана плоский фонарик-зеркальце. Эта штучка работала без батарейки, от тепла руки. Слой похожих на бисер микролампочек давал рассеянный, но яркий свет. «Зеркальце» Витька держал в левой руке, а правой взял Люсю за холодные пальцы. Она молчала.

Стены и свод были грубо выбиты в камне, но пол устлала ровные плиты. Кое-где даже со следами стершегося узора. Было сухо и чисто, словно только что подмели. И запах – словно не в подземелье, а от камней, согретых солнцем.

Но скоро стало прохладно. Люся передернула плечами. Вниз повели крупные, плохо отесанные ступени. Витька знал – их шестнадцать. Потом опять пошел наклонный туннель.

Дыхание слышалось громко, а слова, наоборот, почему-то вязли в глухоте коридора. Люся сказала виновато:

– Мне под землей всегда не по себе. Кажется, будто она оседет и навалится.

– Тыщу лет не оседала, а теперь вдруг, как нарочно, да? – очень бодро и насмешливо отозвался Витька.

– Вить, а кто это вырыл?

– Точно не известно... То есть вообще ничего не известно.

– А ученые-то что говорят?

– А они ничего не знают про это. Не добирались сюда.

– Почему? Это же совсем рядом!

– А то, что рядом, их мало волнует, – уклончиво сказал Витька. – Потрошат и атомы, и галактики, а простых вещей до сих пор не знают.

– Каких, например?

– Ну... например, почему человеку ни с того ни с сего бывает то весело, то грустно...

Или почему сосульки вкуснее мороженого.

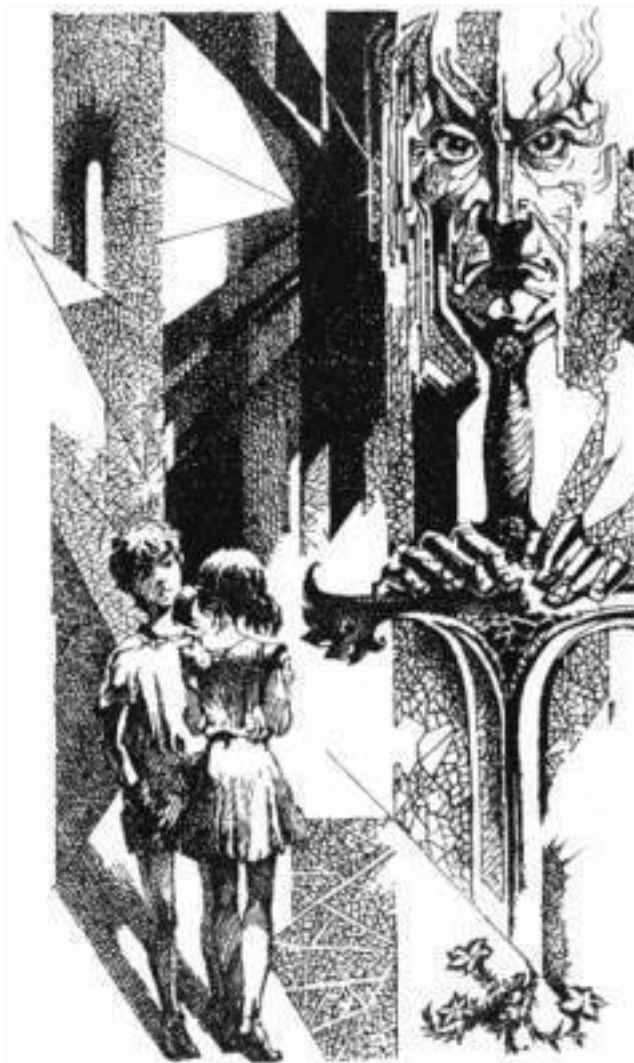
– Да ну тебя, я серьезно...

– А я, думаешь, нет?

– Ай!.. – Люся дернулась назад. Из глубины коридора кто-то смотрел широко расставленными глазами.

– Не бойся. – Витька потянул ее вперед.

Коридор уперся в стену. На стене была мозаика – большой портрет старого человека с прямыми седыми волосами. Человек положил узловатые пальцы на широкую перекладину меча, подбородком уперся в головку рукояти и устало, но пристально смотрел на подошедших. Белки его глаз были выложены из кусочков перламутровых раковин и белели свежо и чисто. А зрачки – глубокие и грустные. Глаза – в темных впадинах, да и все лицо темное... Местами тускло-цветные камешки мозаики осыпались, одна щека совсем исчезла. От этого лицо казалось еще печальнее. Но суровости в нем не было.

– Это кто? – прошептала Люся.

– Наверное, один из Хранителей...

– Кто?

– Это... ну, понимаешь, есть такие легенды всякие, истории... О людях, которые спасали и защищали других людей. В общем, о тех, кто всю свою жизнь этому отдали. В некоторых странах они считаются как святые, им даже храмы строят.

– Никогда не слыхала...

– Услышишь... если захочешь...

Каким-то нехорошим получился этот ответ – с излишней важностью и хмуростью. И Витька сказал уже иначе, веселее:

– Скорей всего, это портрет Первого Командора. Он жил в древности на каком-то средиземном острове. Он считается главным Хранителем детей... Вот, значит, и нас с тобой. Годится?

Люся отозвалась без улыбки:

– Какой-то... неласковый... Но все равно интересно.

– Здесь еще в тысячу раз интереснее будет! Пошли!

Слева был прямоугольный проход. И опять несколько ступеней вниз. И там – большая квадратная комната.

– Ох... – выдохнула Люся, и это «ох» разнеслось под высоким сводчатым потолком.

Здесь не было полного мрака. В полукруглые, прорезанные у потолка окна проникал желтоватый рассеянный свет – словно много раз отраженные и потерявшие силу солнечные лучи.

– Вить, откуда это? – Люся недоуменно смотрела вверх. – Мы же под землей!

Он сказал как можно беззаботнее:

– Я тоже думал: откуда? Потом догадался. Наверх идут каналы, они выложены стеклом или перламутром от раковин. И получаются световоды. Древние строители много хитростей знали...

Витька придумал это объяснение на ходу. Едва ли были какие-то каналы. И откуда свет – неясно. Витьку, однако, эта неясность не пугала, он видел и не такое. А Люся боится непонятного, пусть думает, что световоды. Пока...

– Смотри, сколько тут всего! – Зеркальцем-фонариком Витька провел по стенам. Сумрачные фрески расцветали на свету. Переплетенные деревья, белые птицы, размахнувшие на полстены крылья; вздыбленные кони, воины среди зубцов крепостной стены. И лица – старые и совсем детские (но все равно неулыбчивые)...

– А вот опять Хранитель...

Высокий безбородый старик – с тем же мечом, что на первой мозаике, в темно-вишневом плаще – стоял среди сумрака и созвездий. Прямой, со сжатым ртом. Одной рукой опирался на меч без ножен, другую выкинул над собой – ладонью вверх и вперед. Он будто останавливал какую-то идущую из пространства опасность.

Старик защищал не себя, он держал руку над мальчишкой.

Мальчик – худенький, с проступившими под кожей ребрами – был беззащитен в своей наготе, как бледно-желтый росток на кромке гранитного обрыва. Но он не боялся. Он верил в оберегающую силу Хранителя. Он, в отличие от всех других, кто был здесь на стенах, даже слегка улыбался. Лицо мальчишки было запрокинуто. Встав на цыпочки, он тянулся вверх и сплетал над головой пальцы своих ладоней. Словно прикрывался от невидимых лучей и в то же время стремился им навстречу.

– Красиво... сделано, – скованно сказала Люся. И Витька догадался: ей неловко при нем смотреть на голого мальчишку, хоть это и картина.

Кое-где кусочки мозаики вывалились, и тело мальчика словно пробито было кубическими пулями. Но он все равно был беззаботный и живой.

– Гляди на его руки, – быстро сказал Витька. – Видишь, как они соединяются? Одна ладонь вверх, другая вниз. Это символ кольца Мёбиуса.

– Да?

– Да... Древний знак соединенных пространств.

– Красиво, – опять сказала она. И добавила, помолчав: – Древние люди были настоящие мастера, верно?

– Еще бы! Они уже тогда знали, что здесь Меридиан. Поэтому и поставили обсерваторию.

– Я думала, это храм.

– И храм, и обсерватория... Пойдем. – Он потянул ее за руку, уловив еле ощутимое сопротивление. Впрочем, тут же она шагнула следом.

За коротким коридором было еще одно помещение. Вот уж действительно храм! Большой восьмиугольный зал. Точнее, квадратный, но со срезанными углами – четыре стены широкие и четыре узкие. В узких были прорезаны окна-щели, в них тоже сочился отраженный от камней свет. Широкое, как желтое одеяло, пятно от фонарика опять пошло по стенам, выхватывая лица, крылья, лошадиные головы и складки одежд. Потом в нише у самого пола заблестели громадные стеклянные колбы. Разбитые.

– Здесь были большие песочные часы...

– Жаль, что разбились, – послушно сказала Люся. – А там что?

В другой нише отражала желтые блики метровая медная дуга с делениями, а рядом лежало черное, видимо чугунное, колесо.

– По-моему, это старинный гироскоп... – Витька хотел еще объяснить, почему он так думает и что такое гироскоп на Генеральном меридиане.

– А-а... – сказала Люся и посмотрела вверх. Витька повел туда фонариком. Стены, сужаясь, переходили в сводчатый потолок. Однако в центре храма потолка не было – пространство уходило вверх широкой цилиндрической пустотой. Как в церкви с круглой башней, увенчанной куполом. Но от края зала, от стены, всю внутренность башни и купола было не разглядеть. Видны были только нижние края узких окон, в которые шел все тот же нерешительный полусвет.

– Высотища, – вздохнула Люся.

– Да. Теперь идем. – Витька решительно повел ее к центру. – Смотри под ноги, не запнись.

Посреди храма поднимался круглый постамент из камня. Высотой Витьке до колен. Или телескоп здесь когда-то стоял, или, может, статуя Хранителя... Витька вспрыгнул, потянул Люсю. Она ойкнула: оказывается, шла с закрытыми глазами.

– Теперь смотри вверх.

Витька ожидал, что она вскрикнет. Или хотя бы охнет негромко. Но она только прижалась к его плечу. Помолчала и спросила шепотом:

– Вить, а как это сделано?

Он слегка отодвинулся.

– Это не сделано. Это по правде...

2

Купола не было. Вместо него – небо. Высокое, густо-черное, как в середине августовской ночи. С россыпью переливчатых далеких звезд.

Далеких – но по-разному. Одни виднелись просто далеко, другие – в страшной космической глубине. Некоторые, казалось, вот-вот взорвутся от избытка своего белого или голубого света. Но таких было не очень много. Больше – просто ярких. И не очень яркие были. И совсем крошечные искорки, они еле проклевывались сквозь великое пространство космоса. А всех вместе – громадное множество. Кое-где клочками светлого дыма висели звездные туманности...

– Но мы же под землей... – тихо, потерянно сказала Люся.

– Ну... мы-то да... А храм уходит вверх. Сама видишь, какая высота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.